

повести лишь къ несправедливымъ приговорамъ и самымъ нелогическимъ заключеніямъ“.

Мы не станемъ останавливаться на изображеніи постепенно развивавшагося разлада между Германіей и римскимъ духомъ, разрывавшагося, наконецъ, въ реформаціи (281); на мѣткой характеристикѣ Лютера, объясняющей его успѣхъ и авторитетъ— „нѣмецкая природа какъ будто поработала надъ нимъ съ особенною любовью... Широкая кость его точно выкована была молотомъ рудокопа“; не станемъ приводить характеристику Фридриха Мудраго и второго поколѣнія протестантовъ, или описаніе Вормскаго сейма и дальнѣйшаго развитія движенія. Но мы не можемъ не указать съ особымъ удареніемъ на ту страницу, гдѣ Кудрявцевъ съ необыкновеннымъ историческимъ тактомъ и справедливостью выясняетъ и оправдываетъ отношеніе Лютера къ современнымъ ему анархическимъ движеніямъ въ области какъ религиозныхъ вопросовъ, такъ и социальныхъ реформъ; тѣмъ болѣе считаемъ мы нужнымъ на это указать, что въ самомъ отечествѣ Лютера нерѣдко встрѣчаются по этому предмету разсужденія вкривь и вкосъ, внушенные злобою дня; а у насъ малое знакомство съ истиннымъ характеромъ движеній XVI-го вѣка и привычка сочувствовать социальнымъ реформамъ безъ разбора еще легче могутъ повести къ искаженію исторической истины.

Величіе Лютера, какъ и нѣкоторыхъ другихъ историческихъ лицъ, которымъ пришлось жить въ эпохи великаго кризиса, выразилось не только въ побѣдѣ надъ старымъ порядкомъ, но и въ борьбѣ со страстями и увлеченіями, мѣшавшими установленію *новаго*.

Первая сторона въ дѣятельности такихъ историческихъ лицъ легко поддается сочувственной оцѣнкѣ потомства; пониманіе второй гораздо труднѣе и встрѣчается рѣже. Кудрявцевъ понялъ ее въ жизни Лютера. Онъ съ вѣрнымъ чутьемъ изобразилъ тѣ опасности, которыя „грозили реформаціи отъ нея самой“. „Реформація сильно распатала систему старыхъ воззрѣній на міръ, на природу, на общество, такъ что ни одно изъ прежнихъ началъ не казалось уже довольно твердымъ, все опять стало вопросомъ, и всякій считалъ себя въ правѣ не только произносить свое рѣшеніе, но и навязывать его цѣлому обществу... Опасность была тѣмъ выше, что реформація въ собственномъ смыслѣ не успѣла вполне опредѣлиться, не нашла еще твердыхъ границъ, которыя бы отдѣляли ее съ одной стороны отъ господствовавшихъ прежде направленій, а съ другой—отъ тѣхъ крайностей, которыя вытекали изъ ея же началъ путемъ фантасти-